

**Елена
Четверикова**

**СЧАСТЛИВАЯ
ТРОПИНКА ВАЛЕНТИНЫ**

Елена Четверикова

Счастливая тропинка Валентины

«Автор»

2023

Четверикова Е.

Счастливая тропинка Валентины / Е. Четверикова — «Автор»,
2023

Представление о счастье простой девчонки из хабаровской деревушки, окруженной сталинскими лагерями, складывается на примере брака родителей. Мир так многогранен, что сложно представить, как совместить многодетное материнство и карьеру. Если любимый рядом - многое по плечу. Но жизнь совсем не безоблачна, когда строишь семью и город среди суровой сибирской тайги.

© Четверикова Е., 2023

© Автор, 2023

Елена Четверикова

Счастливая тропинка Валентины

Посвящается светлой памяти моих бесконечно дорогих родителей, любимых бабушек и отважных дедов.

От Автора.

Дорогой читатель, эта книга содержит подлинную историю моей семьи, с небольшими художественными вкраплениями.

Участие в авторских марафонах сообщества «Пиши как художник», попадание в лонг-листы сборников «Космическая Одиссея», «Портреты в словах», «Лоскутное одеяло судеб» вызвали желание писать дальше и привели меня на курс «Книга в большом городе». Идея оформить воспоминания в рукопись появилась во время учебы на курсе, когда не стало моей мамы. С одной стороны, это была текстотерапия, которая помогала пережить утрату родного человека, а с другой – поклон предкам, для которых семья – святое. В сердце отпечатались истории, услышанные от мамы, отца, бабушек, дедов. Стоило сесть за компьютер или открыть заметки телефона, как они выплескивались буквами. Книга – возможность оставить память о семье для будущих поколений.

В этой повести, называя фамилию Ивана Евстафьевича, я пишу «СкАвитин», как было в его официальных документах, хотя родные братья и сестры деда носили фамилию СкОвитины. В церковных метриках, переписанных кем-то из родственников от руки, фамилия деда главной героини по отцу – тоже СкАвитин Евстафий Тарасович.

Анисия Антоновна Орещенкова, бабушка Валентины по материнской линии, фигурирует в книге как «баба Оня», но среди родственников ее чаще называли «бабуся». В свидетельстве о браке ее дочери – Веры Егоровны, матери Валентины, – указана фамилия Орещенко. Как правильнее – нам уже никто не расскажет.

Приятного вам чтения.

Пролог

Запах домашней стряпни вырвался из кухни и поплыл по квартире.

– Доброе утро, мамуля. Твои беляшки разбудили божественным ароматом. Как в детстве. Думала, мне снится, – Ленка чуть приоткрыла глаза.

– Проснулись, сони? За стол. А то остынут, – скомандовала Валентина распавшимся после длинной дороги детям.

– Чай с домашними пирогами – что может быть вкуснее? Кроме тебя таких больше никто не печет, вкусные – язык проглотить можно, – отвесил комплимент зять.

– Кушай, сынок, пока горяченькие, – радостно суетилась на кухне Валентина. Немножко устала от непривычной толчеи, отвыкла – дети давненько не приезжали, но сердце радостно пело, а руки умело лепили любимое кушанье.

– Ваня, небось, каждые выходные на беляшки заглядывает, ему не надо за триста километров мчаться, – пошутила Елена, зная, как часто брат проведывает маму.

– Рядышком живет, в окно махни – мигом через двор прибежит, – смеялся зять, уплетая очередной пирог.

С приездом гостей в квартире стало шумно и суетно.

– Мама, где юбилей справлять будем? – поинтересовалась Лена.

– Я вот думаю пока. В прошлый раз вы, детки, славный праздник мне устроили, – улыбнулась воспоминаниям Валентина Ивановна, с гордо поднятой головой присев на стул. Она умело носила звание женщины, окруженной вниманием таких уже взрослых отпрысков.

– Да, в «Доме Европы» было замечательно: камерная обстановка, хорошая кухня, но с твоими блюдами и тортом «Недопечь» ни один ресторан не сравнится. Может, отметим у нас? Места хватит. Игорь шашлык сделает. Я стол приготовлю. Для желающих баньку затопим. Ребята с семьями приедут, твоих сестер позовем, – Лена обняла мать за плечи в надежде, что она согласится приехать на свой семьдесят пятый юбилей к ним в Иркутск, за город.

В период ковидной пандемии страшно было ходить по ресторанам, а с хроническими болячками и вовсе опасно – в этом Валентина соглашалась с дочерью.

В Саянске, в двухкомнатной квартире, где она жила последние семнадцать лет, несмотря на уютную обстановку, места для торжества не хватило бы. Разрослась семья. Вместе с правнуками человек пятнадцать набиралось, а со сватами и приятелями – более двадцати.

Сердце Валентины рвалось на два города: в Саянск, где сын с невесткой и детьми, и в Иркутск, где младшенький и дочь, с семьями.

Гостеприимная хозяйка любила собирать за большим столом детей, родню, друзей, но с возрастом сил становилось все меньше. Но и детей не хотела нагружать подготовкой к юбилею, знала, что у них своих забот хватает. До торжества оставалось более полугода. Многолетний опыт руководства экономикой строительного подразделения города научил Валентину Ивановну принимать решения в различных жизненных обстоятельствах. К семидесяти четырем она, как и прежде, имела собственное мнение на многие вопросы.

Макияж, прическу и шпильки Валентина носила всегда. Стрелки на глазах подчеркивали независимый характер. Шлейф духов «Быть может» – романтическую натуру. Годам к шестидесяти каблочки стали ниже. Прическа менялась по возрасту, подстраивалась под статус и настроение. А вот тщательный макияж остался неизменным спутником на все годы.

Когда муж был рядом, беды не страшили. Сколько их было за тридцать девять совместных? Не счесть. Трех детей подняли. Супруг помогал во всем и снисходительно относился к энергичному темпераменту Вали. Работа заместителем председателя исполкома, руководство экономикой управления энергоснабжения, а потом и всей стройки, заботы о ребятишках и доме – скучать Валентине было некогда, а тот самый темперамент позволял справляться с нагрузкой.

– Не права была мама: «С малышами ехать в сибирскую тайгу, строить новый город, под силу только сумасшедшим и неугомонным». Нет, только решительные и целеустремленные строят города и свою судьбу, – с легкой грустью о пролетевшей молодости рассуждала Валентина Ивановна, разливая чай по чашкам. Хочется собрать всех родных на юбилей, пообщаться. Много ли судьбой отмерено? Давно душевно не сидели, не разговаривали.

– Мама, скажи, а ты была счастлива? – спросила дочь.

Валентина ненадолго задумалась.

– Я и сейчас счастлива. Впрочем, это целая история...

Святым зовут вообще все заветное, дорогое,
связанное с истиной и с благом.

Святая отчизна. Святой долг. Святое слово.

Теплота рождается и проявляется

от лучей солнечных, трения, от сжатия и горения.

Теплота души, сердца, чувств.

В. Даль

ЧАСТЬ 1. ДЕТСТВО. МАЛЕНЬКАЯ МАДАМА

Глава 1. Тырма

1950 год.

– Мадама, мадама! Маленькая мадама птицу ам-ам, – кричал старый японец, на бегу обтирая испачканное лицо и ручонки Валюшки влажной наволочкой, которую так и не успел повесить после стирки на растянутую во дворе веревку.

Ужас в миндалевидных глазах человека, многое повидавшего за годы лагерей, красноречивее слов объяснил Вере, что ее малышке угрожает опасность. Осторожно нажав пальцами на скулы, азиат пытался раскрыть ребенку ротик и заставить выплюнуть птенца. Не смог – побоялся навредить крохе. Валюша крепко стиснула зубы и отдавать добычу не собиралась. Птичий пух прилип к коже над верхней губой и смотрелся маленькими серыми усиками на личике проворного ангелочка. Глаза девчушки блестели от озорства. Зрачки японца расширились от ужаса. Он, по своей инициативе приглядывавший за неугомонной крохой, распереживался, что не уследил за маленьким, пока неразумным человечком.

Не имея семьи, переселенец согрел душу в далекой России, у чужого очага, ставшего родным на долгие годы. Мадама, так в знак уважения к мастеру, приютившему в доме, он называл жену Ивана Евстафьевича. Она заботилась о восточном человеке как о близком: шила одежду, лечила, если болел, кормила за одним столом с семьей. Японец щедро делился с хозяйкой хитростями приготовления сытной еды из скудного запаса продуктов. Аппетитная уха из пары-тройки рыбешек, со вкусом как на костре, стала фирменным блюдом Егоровны в скромных условиях Тырменского поселения. Умело работая деревянной толкушкой, азиат готовил фирменную заправку для бульона с мизерным кусочком свиного сала и зубчиком чеснока. Узловатые его пальцы как легко чистили чешую и мастерски смешивали приправы, так и ловко благоустраивали обстановку в доме Скавитиных. Заботясь о малышке, добровольный помощник вырезал из дерева кроватку, сколотил первый стул.

А самодельные прищепки в память о японском друге и сегодня хранятся в доме Валентины. Раритетная вещь в полной исправности. Жаль, ею уже не пользуются по назначению. Белье на улице никто не сушит.

Голодное лето 1950 года Иван Скавитин переживал тяжело, как и все в Хабаровском крае. Расконвоированный, на поселении в Тырме, днем работал, вечером на зорьке рыбачил. В выходной успевал сбегать с товарищем на охоту. Где зайца в петлю поймают, где глухаря, а когда и утку умудрялись раздобыть. По весне черемшу и папоротник заготавливали, осенью шишку били. Женщины тоже без дела не сидели. Летом собирали в тайге грибы и ягоды, сушили на зиму. Коза и огород тоже спасали от голода. Молоко Катьки поддерживало Валю с первых месяцев жизни, материнского крошке не досталось – его попросту не было. Болезни, заработанные во время войны при работе на железнодорожной станции, не позволили Вере Егоровне кормить ребенка грудью.

Маленькая охотница, как только начала ходить, норовила самостоятельно подкормиться. То у кошки из блюдца лакать пристроится, то морковку немытую с грядки тиснет. Так до воробьиного птенчика и добралась. Мать еле успела из сомкнутых губ дочурки выудить несчастного. Растущему организму требовались витамины, вот девочка все в рот и тянула. Валюша родилась весом всего в девятьсот граммов. Первые распашонки приходилось подворачивать пополам. Ребенок скромных размеров умещался на руке матери от кисти до локтя. Вера месяцев до трех согревала малюсенькую девочку в рукаве тулупа и заворачивала в шерстяную шаль. Мать ее – Анисия Антоновна – помогала растить внучку. Одежду для ребенка женщины шили сами. Как Валюша подросла, платья любимицы бабушка Она стала украшать вязаными ворот-

никами. В полтора года Валентинка все еще отставала от сверстников в росте, но не в развитии. Хорошо говорила, только букву «Р» часто проглатывала. Легко запоминала стихи. В два года – пела частушки, подслушанные у бабуся (так внучка ласково называла бабушку):

Бабы дуЛы, бабы дуЛы,
Бабы бешеный наЛод,
Как увидят помидоЛы,
Так и лезут в огоЛод.

Родители умилялись залихватскому исполнению народных прибауток. Особенно отец.
– Ты моя маленькая артистка, – нежно целовал Иван дочурку.

Валюша смеялась, обнимала папу за крепкую шею. Обожание было взаимным. Девочка с нетерпением ждала отца с работы, бросалась к нему, как только тот переступал порог. Скучала, как будто не виделась вечно. Евстафьевич в дочери души не чаял, в кармане всегда припасал подарок: кусочек сахара, шишку «от белочки», сухарик «от зайчика».

– Тебе лисичка встлелась? Незадничала, сахалок дала? – забираясь на руки к отцу, распахнув серо-зеленые глазенки, выпрашивала непоседа.

Антоновна удивлялась, как менялся зять, когда брал дочь на руки. Из сурового, битого жизнью мужика превращался в игривого мальчишку, готового потакать любым забавам дочери. В голосе Ивана, в выражении лица появлялась особая нежность.

– Пойдем, пусть папа отдохнет после работы, – забирала заигравшуюся девочку Вера.

– Верочка, родная, да я только с вами и отдыхаю, – нежно обнимал Иван супругу.

Природа наделила Валю отцовской эмоциональностью, наблюдательностью и сноровкой. Девочка, как только научилась ходить, старалась залезть повыше. Деревянная этажерка, дорогой по тем временам предмет интерьера, однажды чуть не придавила егону. Благо бабуся подоспела вовремя, успела подхватить проворную малышку. Валюша пробовала мир на зубок, с детства усвоив, что именно утоляет голод. Был случай, когда четырехлетняя хозяйка решила угостить приехавших погостить ребят молоком. С двоюродными братом и сестрой прижали к забору козленка и начали доить. Животинка орала и вырывалась. Мельтешата не понимали причины отсутствия молока и бегали за козликом с железной кружкой. Дергали, как им казалось, за вымя.

– Ах, шкодлики! Чего удумали? – нарочито сердито крикнула бабуся и полотенцем отогнала ребят от несчастного. Из глаз ее струились лучики смеха. «Какие смышленные растут», – улыбалась в платок Антоновна.

Взрослеть девочке приходилось в суровой обстановке Тырменского поселения. Расконвоированный Скавитин руководил бригадой строителей, таких же как сам – условно досрочно освобожденных. Строили дома для железнодорожников, в одном из которых его и поселили с семьей. Валя родилась, когда матери было двадцать шесть, а отцу сорок. Хотя в те годы Иван Евстафьевич был уже немолодым человеком, природная сила, характер, любовь к жизни позволили преодолеть ужасы тюрьмы и страшные годы лагерей. Иван верил, что любимые жена и дочь – награда судьбы за перенесенные испытания.

Глава 2. Враг народа

1937 год.

Промозглая осень. Стук колес. Оконце в вагоне для перевозки скота. Собачий холод, вонь от человеческих испражнений и давно немых тел.

Иван не мог забыть переполненную камеру, где смешались кровь, страх и неизвестность. И карцер с опускающимся до пола каменным потолком, висящим на цепи, рвущей душу ржа-

вым скрежетом. Где выжить можно было, только вжавшись в ледяной пол, часами лежа неподвижно, теряя сознание. Выдерживали не все. Несмотря на ужасы заключения, этапирование по железной дороге из Иркутска на Дальний Восток казалось Ивану путешествием. В свои тридцать лет он впервые выехал за пределы Восточно-Сибирской области. Нары верхнего яруса сибиряк делил с шуплым немцем из Зимы. По ночам неловко прижимались друг к другу, чтобы согреться, смотрели сквозь решетку на звездное небо.

В памяти всплыли милые сердцу картины. Любимое село – Большая Мамырь. Звезды на высоком небе. Сестра Валюша с бидоном парного молока после утренней дойки. Ребя-тишки, бегающие по зеленой траве возле бревенчатого дома. Сенокос с ночевкой под бездонным небом. Пьянящий аромат разнотравья.

Монотонный стук колес вернул заключенного в железнодорожный эшелон. Крупные пальцы Ивана сжали грубые прутья. Космос дышал свободой. Вселял надежду, что дело пересмотрят. Оправдают. Что скоро отпустят домой. Ивану до скрежета в зубах хотелось смотреть на небо без решетки.

– За это – расстрел, – вовремя остановил осторожный Густав. Иван беззвучно опустил мозолистые руки.

– Выходи строиться. Что, вражки рожи, отлежали бока от безделья? – зычный голос капитана прозвучал угрожающе. – Теперь ваш дом на противоположном берегу.

Угрюмый частокोल пятиметрового забора с вышками виднелся на той стороне реки.

– Лодки – для конвоя. З/К – вплавь! Здесь всего метров тридцать. Заодно искупнетесь, – злорадная ухмылка пробежала по сытой морде конвоира.

– Сволочь, – не выдержал немногословный Иван, бросился в сторону изверга. Предупредительный выстрел над головой остановил.

– Первый отряд, все с себя снять. Пожитки в лодку. Вперед! – прозвучала команда. Мужики, подгоняемые солдатами, пошли в воду.

«Это конец», – кометой пронеслось в голове Ивана. Ноги обмякли. Плавать он не умел. В детстве тонул. Ледяная вода обожгла дрожащее от неизбежности тело. Страх сковал нутро.

– Гребь руками, – услышал рядом охрипший голос Густава.

Захлебываясь, пошел ко дну. Чья-то рука схватила за волосы и потянула наверх. Сознание провалилось в космическую глубину. Очнулся на берегу. Голый немец бешено колотил по спине. Вода выплеснулась наружу. Откашлялся: «Жив».

– Ну, Скавитин, ты даешь. Как топор, сразу на дно, – ржали на берегу мужики, воодушевленные спасением Ивана. – Шепнул бы, что плавать не умеешь. Хорошо хоть немец успел, нырнул. Тебя, медведя, спас.

Строительство железнодорожной ветки на севере Хабаровского края вели заключенные. Бригада Ивана из «политических» строила бараки для железнодорожников. Людям, занятым тяжелым физическим трудом, скудного лагерного пайка не хватало. Есть хотелось всегда. Те, кто послабей, не выдерживали. Умирили.

– Эй, доходяга. Стой. Показывай, куда хлеб заныкал! – услышал Густав гнусавый голос Шныря из «воровского» барака.

Люди в лагере пайку хлеба делили на несколько частей, чтобы днем унять зверский голод. Ночью, доев скудные остатки пайка, обессиленные работой, спали. Именно по ночам и промышляли уголовники в поисках еды и одежды.

– Убью! – завопил Шнырь, получив увесистую оплеуху от Ивана, проходившего мимо. – Доходяге не жить. Сдохнет! – заорал он, встретив неожиданный отпор.

– О себе переживай, сволочь, – плюнул в его сторону строитель. К Ивану в зоне уголовники открыто не вязались. Знали его суровый нрав и тяжелый кулак. В тот день небо благоволило к друзьям. Так Иван отдал долг Густаву за спасение из холодной воды.

1946 год.

– Что смотришь, помогай! Стрелку заело, Петрович один не справится, – крикнула бойкая дежурная Ивану, идущему в комендатуру на отметку.

Он давно заприметил эту невысокую молодую девушку, лихо командующую мужиками на станции. Сначала помог, а потом подошел с вопросом:

– Тебя как звать-то?

– Вера, – улыбнулась она, убирая под платок прядь волос. – Тебя я знаю. У нас в Тырме с рабочими из лагеря дома строишь.

– Да. Я такой же, как они, только на поселении живу. Расконвоирован в феврале, – честно признался Иван.

Прошел месяц с их встречи. Сероглазая дивчина не выходила из головы. Провожая освободившегося Густава на поезд, Иван вновь встретил Ее. Сердце затарабанило во все колокола. Сорокалетний мужик влюбился. Как мальчишка.

В мае после его освобождения они стали жить вместе. Когда в поселковом клубе Вере вручали медаль «За трудовую доблесть», отметив адский ежедневный труд на железной дороге в годы войны, она под сердцем носила ребенка. Девочку назвали Валентиной. Всего этого могло не быть, не получи Иван десять лет лагерей по сфабрикованному делу об умышленном затоплении баржи с сахаром, которую он даже не видел.

Глава 3. Черкес и балерина в одном флаконе

1953 год.

Ивана Евстафьевича реабилитировали. Скавитины перебрались из дальневосточной Тырмы в сибирский Ангарск. Опытный строитель стал возводить кварталы многоквартирок в городе химиков.

Декабрь выдался морозным. Мама не разрешила Вале выскочить из квартиры в ичигах, сшитых из старой кожаной куртки специально для праздника. Заставила поверх сапожек, обтягивающих маленькие ножки, надеть валенки. Их квартира в Ангарске огромными глазами-окнами глядела на калитку школы. Туда мелюзге и нужно было бежать на новогоднее представление. Валя решила пойти на праздник позже всех. Сидела дома и по-шпионски выглядывала из-за шторы. Место засады выбрала рядом с елкой, наряженной стеклянными бусами и блестящими шишками, которые, как она знала, маме удалось урвать, отстояв многочасовую очередь в магазине игрушек. Сказочные шишки так заманчиво мерцали на колючих ветвях, что Валюша захотела прихватить одну с собой, но бабуся не разрешила: «игрушка хрупкая, не дай бог разобьется, поранишь руки».

То и дело дергая занавеску, Валя с нетерпением ждала, когда одноклассники с костюмами на вешалках пройдут на утренник. Хотела появиться в праздничном зале неожиданно, надеясь, что в маске, искусно слепленной мастером, ее никто не узнает.

Забегала в раздевалку, скинула шубку и теплые штаны. Где это видано, чтобы джигит щеголял в шароварах с начесом? В кабинете она это сделать не могла, иначе сюрприза бы не получилось.

– О господи, – перекрестилась набожная гардеробщица, глянув на пацаненка со взрослым лицом горца.

– Не бойтесь, тетя Кать, это я – Валя. Дядя Мурат, папин друг, сделал мне настоящую маску, он ведь скульптор.

Костюм кавказца одной лишь маской не ограничивался. Бабушка сшила Валюше черкеску из черного халата уборщицы. Второй рукав от полушубка зятя пошел на бурку. В первом, как вы помните, до трех месяцев росла маленькая Валя.

– У меня и кинжал есть, папа вырезал из дерева. Правда, как настоящий, тетя Катя? – озорной голос из-под маски выдавал приподнятое настроение.

Новогодний праздник в школе № 14 был в самом разгаре. Валя заскочила в школьный туалет. От волнения и суеты дома не успела.

– Ой, мамочки, пацан! – второклашка Нинка с криком ужаса выскочила из девичьей уборной.

Маленький кавказец в черкеске и бурке выбежал следом за ней со словами: – Стой, дурочка, это же я!

Нина остановилась, внимательно присмотрелась и узнала одноклассницу.

– Валька, как ты меня напугала, – не веря своим глазам, затараторила Нина, – я чуть в трусы не напрудила.

В актовый зал подружки вбежали как раз тогда, когда дети звали Деда Мороза. Снегурочка подхватила под руки мини-горца и снежинку и втиснула их в хоровод вокруг елки. Вышел Дед Мороз. Девочки-снежинки, мальчики-зайчики и джигит запели: «В лесу родилась елочка».

К конкурсу самодеятельности Валя подготовилась основательно: с дядей Муратом репетировали лезгинку, а с бабусей учили стихи Некрасова.

Под одобрительные «асса» и аплодисменты зрителей сделав несколько залихватских движений из танцев народов Северного Кавказа, маленький джигит начал читать стихи: «Однажды, в студеную зимнюю пору...» Только тогда все догадались, что под маской горца – девочка.

Подарки Дед Мороз вручил каждому. Дети их дербанить начали в классе. Когда Валя сняла бурку, две упругие влажные косы упали на плечи. Скинула маску и с детским нетерпением зачихала в рот любимое лакомство – ароматный зефир. Нежный яблочно-ванильный десерт таял на языке. Хотела было взяться за вторую зефирину, но вспомнила, что бабуся тоже его любит, убрала обратно в бумажный кулек.

Выступление маленькой Валюши на карнавале прошло удачно, но не всегда все складывалось легко.

До встречи нового 1957 года оставалось три дня. Зрители ангарского Дворца нефтехимиков застыли в ожидании танцевальной миниатюры «Танец маленьких лебедей».

– Валюша, ваш выход длится всего минуту сорок шесть секунд. Сможешь, выдержишь? – прижав ладонь к горячему лбу юной балерины, волновалась Ирина Аркадьевна, руководитель балетной студии. Девочка кивнула. Заменить ее было некому. Концерт сорвать нельзя.

Под топочущее звучание фагота и плач скрипки в полубоморочной лихорадке исполнила вместе с тремя другими балеринами грациозные па. Пружинистые прыжки, легкость и изящество парящих по сцене юных танцовщиц произвели фурор в зале, а Валюшу на все зимние каникулы уложила в постель ангина. Сценическую пачку Валя больше не надела. Топоток пуантов, словно метроном, отмеривающий годы жизни, долго преследовал Валентину в сновидениях и наяву. Балет в жизни больше не появлялся, а вот «балетный» характер остался навсегда. Валя отличалась упорством и трудолюбием, часто хваталась за несколько дел одновременно: казалось, что кроме нее никто ничего не сможет. Уж лучше и быстрее – точно никто. Помощи ни у кого не просила. Добивалась всего сама.

Глава 4. Дружба, скрепленная чернилами

1961 год.

– Ребята, знакомьтесь – Валя Скавитина. Теперь будет вместе с вами познавать премудрости школьной науки. Они с родителями переехали в наш район, – представила новую ученицу Клавдия Петровна.

– Пономарев, подвинься. Валентина, проходи, будешь сидеть за третьей партой, вместе с Леонидом. Вякин пересядет к Серездиновой. Этих неразлей-друзей давно пора разъединить, вот и пусть теперь сидят с девочками, – воспользовалась ситуацией классный руководитель 7-го «В».

Ленька Пономарев покраснел, убрал портфель, аккуратно, чтобы не разлить, переставил чернильницу на противоположную сторону парты и передвинулся к окну. Ему не хотелось делить школьную лавку с незнакомой девочкой. Вовка Вякин, с которым дружили с первого класса, должен был сегодня выйти после простуды. С ним во время уроков успевали и в морской бой резануться, и планы на вечер обсудить.

– Привет, я Валя, – девочка, расстегнув портфель, выложила на парту тетрадь и наливную ручку. В классе ни у кого такой не было.

– Леонид, – захрипел в ответ смущенный мальчишка.

Прозвенел звонок на урок. Леня искоса наблюдал за тем, как ловко Валя управлялась с ручкой, пока он макал перо в разинутый рот чернильницы. Незаметно для себя стал разглядывать и саму обладательницу чудо-канцелярии.

Обратил внимание на тугие косы, собранные на затылке корзинкой и увенчанные бантами необычного шоколадного цвета. И на то, что платье украшали белый воротничок и манжеты мастерски связанных узоров.

«Красивые вязаные штучки. Будто моя мама крючком покудесничала», – подумал Ленька: кружева новенькой сразу бросились ему в глаза. Мама Леонида – Александра Павловна – была знатной рукодельницей.

Прозвенел звонок на перемену. Девчонки потащили Валу в коридор: познакомиться и рассмотреть необычные банты и воротнички. Да и просто пошептаться, подальше от мальчишек. В класс влетел Вовка. Подошел к парте и заметил чужие школьные принадлежности. Леньки на месте не было.

– Ты теперь сидишь с Серездиновой. Распоряжение Клавдии, – услышал Вовка язвительный хохоток Димки с соседней парты.

– Еще чего! – Вован с грохотом уронил крышку парты и уселся на свое место.

Прозвенел звонок на второй урок.

Новенькая подошла к парте.

– Меня Валя зовут. Хочешь сидеть втроем? – тонкие черные брови вопросительно приподнялись, фигурной красотой подчеркивая острый ум и смелый характер хозяйки.

Класс грохнул со смеху. Вовка, не ожидавший такого отпора от девчонки, обиженно поджал нижнюю губу, насупил брови. Обычно лукавые глаза мальчишки теперь метали искры негодования. Леня, который ждал друга на лестнице и не заметил, как тот проскочил, умудрился незаметно пробраться к парте, воспользовавшись всеобщим весельем. Осрамившийся Вовка, со злостью перекинув старенький портфель через плечо, отправился на новое место отбывания школьной повинности, чтобы весь урок обдумывать план мести. Звонок на перемену прервал его коварные размышления. Пацан подошел к Вале и тут заметил на парте наливную ручку. Решил, что девочка должна как-то компенсировать нанесенный ущерб.

– Можешь дать твою ручку на один урок, а я взамен перо и чернильницу? Махнемся не глядя? – предложил, не особо надеясь на положительный ответ.

– А давай, – прищурился, согласилась Валя.

– Ну ты наха-а-ал, – вступил в разговор Ленька, не ожидавший от друга такой дерзости.

– Новенькая-то не жмотится, – Вякин просиял самой очаровательной улыбкой.

Одноклассники завистливо наблюдали за обменом.

– Зачетная ручка, сама пишет, спасибо, – после урока Вова вернул диковинную вещь хозяйке. Совесть толкнула его ответить благодарностью за щедрость. – А ты знаешь, где у нас в школе столовка? Хочешь, покажу?

– От экскурсии не откажусь, – улыбнулась Валя.
– Леха, ты с нами? – пригласил друга Вован и взглядом победителя окинул одноклассников, ожидавших от него очередной выходки.
Так зародилась многолетняя дружба, скрепленная школьными чернилами.

ЧАСТЬ 2. ЮНОСТЬ. РОДНЫЕ ЛЮДИ

Глава 5. Китайские приключения

1962 год.

Солнце рыжими лапами обнимало землю. Молодая листва нежилась под его мягкими лучами. Пятнадцатилетняя Валюшка в трико и штормовке выбежала на улицу. Леня и Володя с рюкзаками и амуницией ждали у подъезда. Ее сумку с термосом и пирожками влюбленный Леня подхватил на ходу, несмело взяв Валу за руку.#

«Что он о себе воображает?» – ретивая девчонка резко высвободила ладонь.

Весело болтая, ребята пошли в поход по Китою. Путешествие запланировали еще весной. Но из-за Валиной учебы и Лениных велогонок сплав не раз откладывался.

Лето радовало теплыми деньками. Река лениво переваливалась между берегов. Загрузившись на построенный весной плот, ребята отчалили. Вода играла волной, отражая на своей поверхности силуэты друзей. Запах свежести незаметно наполнял отношения ребят новыми ощущениями.

Пока Леонид управлял плотом, Вовка за обе щеки уплетал третий пирожок. Подбородок мальчишки, пальцы рук блестели от сочного фарша. Валя фотографировала окрестности, незаметно поглядывая на друзей и сравнивая:

«Леня такой самостоятельный и серьезный. Взрослый. А Вовка веселый. С ним всегда легко».

– Эй, обжора, давай за штурвал, а мы пока перекусим, – скомандовал Леонид другу, сглатывая слюну, подступившую от аппетитного аромата стряпни. Вова нехотя поменялся с товарищем местами. Беспечно орудуя словами, он по-дружески подтрунивал над влюбленным другом.

За поворотом, на излучине, Вован прошипел изменение скорости течения. Вода подхватила плот и понесла его к середине реки.

– Быстрее надень на себя камеру, – скомандовал Леонид Вале. Проследил, чтобы девушка накинула импровизированный спасательный круг, и прокричал: – Вован, держи руль в направлении берега и закрепи веревку.

Внезапно руль зацепился за топляк и треснул. Плот потерял управление.

Молчаливый страх в милых сердцу серо-зеленых глазах заставил Леонида мгновенно принять решение.#

Обмотав веревку вокруг себя, он спрыгнул в воду и начал грести по течению к берегу. Река ледяной хваткой обхватила натренированное тело.

«Тут всего метров пять, успею», – стучало сердце Ленки.

Рыбаки с суши заметили парня, тянущего плот на мель, и кинулись на помощь. Втроем им удалось вытащить попавших в беду ребят.

– Валя, ты сильно испугалась? – с тревогой в голосе спросил Леня.

– Даже не успела. Мне за тебя стало страшно, когда ты в реку прыгнул, – слегка подрагивая от волнения, сказала девушка и протянула другу дорожную кружку с чаем из термоса.

Развели костер, чтобы немного успокоиться и перекусить.

– Ты что, пловец? Где так грести научился? – поинтересовался один из рыбаков, вытаскивая из брезентового рюкзака сухую тельняшку для Лени.

– Нет, не пловец. Я велоспортом занимаюсь. А плавать лет с пяти меня дед учил. В Ангаре. Спасибо, что помогли, одни бы мы не справились, – надев одежду, поблагодарил Леонид.

– Так вроде ты один всех спасал, а приятель твой на плоту сидел, – рассмеялся разговорчивый рыбак.

– Да нет, он закреплял веревку и поддерживал Валю, чтобы не боялась, – подмигнув друзьям, улыбнулся Леонид.

Валя посмотрела на Леню по-новому. Она поняла, что с этим парнем ничего не страшно.

Глава 6. Желтая майка лидера

1964 год.

Ногу свело судорогой так, что Леня от боли почти потерял сознание. Крутить педали оставалось еще километра три. Такую роскошь, как сойти с дистанции, позволить себе не мог. Подвести команду из-за временной неприятности – не по-мужски. Отборочный заезд перед первенством России требовал максимальной выкладки физических и эмоциональных сил спортсменов. Лене эта велогонка далась тяжело: травма ноги с прошлогоднего сезона напоминала о себе. До старта, чтобы разогреться, разминался в шерстяном костюме, до верха застегнув молнию на олимпийке. На трассу выехали в тонких велосипедках, и от напряжения и прохладной температуры мышцы быстро забились.

«Сейчас отпустит, еще немного – и пройдет. Терпеть, – волевым усилием велогонщик заставлял себя работать. – О черт, семнадцатый обгоняет. Как не вовремя схватило ногу. Когда же отпустит?»

Заезд продолжался почти час, до финиша оставалось совсем немного.

«Нагоню, еще чуть-чуть», – стучало в висках.

Неожиданно семнадцатый рухнул на асфальт перед передним колесом Леонида. Удар.

– Японский городской, – ругнулся Леонид, перелетев через соперника, перевернулся в воздухе и, едва успев сгруппироваться, упал на правый бок.

На него свалились еще двое.

В сознание пришел в машине неотложной помощи.

– Держись, парень. У тебя, скорее всего, сотрясение головного мозга. Точный диагноз будет после рентгена. Из видимых повреждений – множественные ушибы. В остальном замечательно: руки-ноги целы, – подбодрил Леонида врач.

– Долго был в отключке? – беспокойно сверкнул глазами тот.

– А ты куда-то торопишься? Теперь тебе спешить не стоит. Постельный режим и восстановительные процедуры, минимум месяц, – доктор поправил повязку на голове пострадавшего.

– Мне пора бежать. Назначена встреча. Не могу здесь валяться, к пяти часам нужно быть в Иркутске, – Леня поднялся с кушетки, несмотря на боль во всем теле.

– Ты с ума сошел, голубчик. Нужны рентген и покой, – пожилой врач попытался уложить больного на место.

– Ничего не болит, – соврал Леня и улизнул из автомобиля скорой. Добрался до дома. «Хорошо, хоть родители на работе, меньше вопросов», – гудело в перебинтованной голове, пока принимал душ.

Прилег отдохнуть минут на десять и провалился. Уснул часа на три.

Проснулся от суеты вокруг. Мать вернулась с работы, обнаружила спящего сына с перебинтованной головой и позвонила тренеру. Узнала об аварии на шоссе, о том, как сын сбежал из скорой.

Голова Лени звенела пустым ведром. Каждый звук воспринимался искаженно, в висках стучало. Во всем теле ощущались тяжесть и скованность движений.

– Я за тетей Машей, она умеет править голову, а ты лежи. И чтоб никуда! – на бегу крикнула сыну Павловна и спустилась на первый этаж к старой врачевательнице.

Мария Петровна, унаследовавшая от своей бабки тонкости лекарского дела, лечила от сотрясений жителей квартала и окрестностей. Приняла пострадавшего Леньку. Ловко сняла бинты. Большими, совсем не женскими руками проверила череп и перетянула бедолаге голову полотенцем. Он уснул.

– Сильное смещение. Ну ничего, парень у тебя, Шура, крепкий. Дай бог, все выправится, – успокаивала соседка переживающую мать.

– Ой, Маша, с этим велоспортом сплошные травмы, – вздохнула та.

– Дня через два повторим процедуру. Закрывай дверь, – махнула на прощание жилистой рукой Петровна.

Наутро головная боль прошла, словно и не было. Только синяк на полщеки да царапины на подбородке яркими отметинами выделялись на лице спортсмена.

– Леха-а-а, ты дома? – Леонид услышал из открытой форточкой голос друга. Крикнул в направлении кухни:

– Мам, я скоро. Дойду до Вали, да с Вовкой пообщаюсь.

– Ты как? – поинтересовался Вован у разукрашенного аварией приятеля.

– Желтая майка лидера опять ушла, но знаешь, я был так близко к победе, что не сомневаюсь в успехе – в следующем заезде через месяц. Только немного подлечусь.

Встретиться с Валею Леониду не удалось: тем вечером она в Ангарск не вернулась, вместе с родителями поехала навестить родных под Иркутск – в Селиваниху.

«Родная кровь – не водица», – как-то услышала Валюша от папы краткое пояснение их частого общения с родней. И в Селиванихе у тети Вали, и в Иркутске у дяди Миши чувствовала она эту близость сердцем.

Глава 7. Семейные традиции

Начиная с весны деревня Селиваниха благоухала черемухой и гостеприимством. Валентина Евстафьевна, тетя Валюши, была знатной хозяйкой. Сама словно круглая пышечка, старалась вкусно и сытно накормить большую семью. Из открытой беседки доносились запах домашних пирогов и шумные застольные разговоры родных людей. Пироги пеклись с разными начинками, чтобы каждому по вкусу: с яблоками и брусникой, грибами, клюквой, – но всеми любимый с капустой и рыбой украшал стол и в праздники, и в будни.

Собирались братья, сестры – с детьми, целыми семьями. Выходной на рабочей неделе был один – воскресенье. В то время на прибайкальской земле жили трое из девяти родных братьев и сестер Скавитиных.

А как же все начиналось?

В Кежемской церкви 5 февраля 1884 года было тепло от свечей и народного столпотворения. Сельский люд теснился в небольшом храме, перешептываясь, неловко толкаясь в зимней одежде. Однообразную деревенскую жизнь всколыхнуло венчание дворянина римско-католического вероисповедания и православной девицы из Святинского селения. Невиданное событие для Больше-Мамырской волости. В тот зимний день Хроновский Александр Викторович, тридцати восьми лет от роду, из ссыльно-политических дворян, заброшенный в иркутскую глубинку свирепым вихрем подавленного польского восстания 1863-1864 годов, и невеста – Мария Гавриловна Садовникова, двадцатисемилетняя сибирская крестьянка, сочетались первым браком. После венчания новобрачные поселились по месту ссылки Александра – в селе Святинино. Через год, в июне 1885-го, у них появилась дочь Мария. Так старый дворянский род стал пускать корни на сибирской земле. Следом за первенцем родились Елена, Михаил, Елиза-

вета, Виктор, Александр, Агрофена и Дора. Горе и радость шли в семье рука об руку. Страшные болезни конца века забрали у родителей троих: Марию, Елену и Михаила. До взрослого возраста дожили только пятеро ребятишек. Дети подарили родителям девять внуков.

В 1907 году в Большой Мамари, что в нескольких верстах от Святино, появился на свет Иван Евстафьевич. Был он одним из девяти детей коренного сибиряка-охотника Скавитина Евстафия Тарасовича и Хроновской Елизаветы Александровны, средней дочери ссыльного польского дворянина. В огромной семье труд, любовь к земле и теплые родственные отношения прививались ребятам с младенчества. Искренние, сердечные чувства братья и сестры сохраняли между собой до последних дней жизни, поддерживая друг друга в трудные минуты, делаясь радостью в счастливые моменты.

Вернемся в Селиваниху.

Почти каждый летний вечер субботы Иван с семьей выбирался к сестре в деревню. Старший из братьев – Михаил, заменивший младшим отца, тоже часто бывал с визитами на летних домашних посиделках в поселке за городом. В те годы он возглавлял пользующуюся спросом у иркутян закусную. Сбегая на денек от ежедневных забот, Михаил Евстафьевич восстанавливал душевные силы в родном кругу. Нередко зазывал близких к себе в город, в дом на 1-й Советской.

Младшая сестра – Валентина Евстафьевна – обожала неугомонных гостей, особенно племянницу Валечку, так напоминавшую темпераментом их скавитинскую породу. Сердце женщины наполнялось любовью и нежностью. При виде Валюшки Евстафьевна улыбалась, а на глаза наворачивалась влажная поволока – от избытка умильности.

В беседке непрерывно топился огромный полуведерный самовар, призывно пыхтел, объединяя большую родню за столом, окутывая округу ароматом березовых и яблоневых дров. По участку разносился смех вперемешку с криками разбушевавшейся малышни: Таня и Галочка, дочери Валентины Евстафьевны, на несколько лет старше Вали, руководили неугомонной Валюшей и нетерпеливой Людочкой – внучкой Михаила Евстафьевича, а взрослый сын Юрий насмешливо наблюдал за девчачьей суетой. Родные наверстывали общение, упущенное за годы войны и лагерей Ивана. Женщины хлопотали на кухне, накрывали на стол. Мужики вспоминали молодость и родительский дом в Большой Мамыри под вкусную еду за рюмкой крепкого коньячка. Разговоры часто перетекали в пение во главе с хозяином дома, мужем любимой сестрицы – Кузьмой Матвеевичем Ивашкиным. Его напев в «Когда б имел золотые горы...» дружно подхватывали родственники.

«Летят утки...» Иван исполнял один. Глубоко, с надрывом, до слез. Столько в этой песне было его сердечной тоски, печали, невыговоренного горя. Родные замирали, слушая. С трудом представляли, что может выдержать человек за долгие годы беспощадных лагерей. О жизни там он почти ничего не рассказывал. В редкие моменты, когда мужчины оставались одни и думали, что их никто не слышит, всплывали подробности ада. Но вездесущая ребятня, бывало, ненароком улавливала разговоры взрослых, поэтому Иван предпочитал не вдаваться в подробности прошлого.

Часто Иван Евстафьевич приглашал родню к себе в Ангарск. Жена Вера потчевала всех домашними деликатесами. Годы брака научили ее умело вести хозяйство, вкусно готовить, душевно обустроить быт. По приезду гостей из дубового буфета тут же извлекались лучшая посуда, хрусталь и столовые приборы. Вера знала, что широкая душа любимого настрадалась за годы лишений, тянулась к близким людям, а его искренняя благодарность сестре не знала границ. Родные объятая брата и сестры при встрече были долгими, отражали крепче слов глубокую привязанность и душевную мелодию в унисон звучащих сердец.

Летом 61-го Ивашкины из дома в поселке перебрались в Иркутск, получив ордер на благоустроенную квартиру. И на новом месте жительства врожденная тяга к земле взяла свое.

Завели дачу в родной Селиванихе. Общими усилиями мужики за несколько выходных возвели небольшой дачный дом, поставили беседку. Летние посиделки семейным «табором», который рос год от года, продолжались.

Новая квартира Ивашкиных располагалась рядом с охлопковским театром. С открытием театрального сезона мужчины баловали женщин походами на премьеры. Какие это были торжественные вечера!

– Мамочка, не забудь приколоть брошь, – советовала Валя, вместе с двоюродными сестрами, Татьяной и Галей, заворуженно наблюдая за сборами взрослых.

Женщины надевали вечерние платья и длинные, по локоть, ажурные перчатки, поправляли на плечах меховые горжетки. Модельные туфли на невысокой шпильке дополняли образ. По торжественному случаю пиджаки и галстуки покидали шкафы и использовались мужской половиной семейства по назначению. Процессию неизменно сопровождал шлейф «Красной Москвы» и «Шипра». Со временем, когда дети подросли, отцы гордо выводили в свет семейства в полном составе.

В 65-м Валя поступила в Иркутский институт и частенько останавливалась у любимой тетушки с ночевкой. Институт народного хозяйства, в простонародье – «Нархоз», находился рядом, через перекресток от дома Ивашкиных. Вечерние посиделки с двоюродными сестрами за пирогом, умело приготовленным любимой тетушкой, Валюша обожала. Девичьи секреты обсуждались, когда время переваливало за полночь.

– Чего ты в нем нашла? Спортсмен. Месяцами дома не будет, – переживала тетя Валя за племяншку. Накануне из-за велогонок Леонида сорвалось ее свидание.

– Обещал, если выйду за него замуж, бросит свой велоспорт, – защищала любимого Валентина.

– Вот пусть сначала бросит. Лучше охладись пломбирчиком – Галя целую кастрюльку из «Баньки» принесла. Дальше видно будет, – улыбалась Валентина Евстафьевна не на шутку разволновавшейся племяннице.

«Банька» – кафешка в центре города – снабжала холодным лакомством иркутскую молодежь, заядлых театралов и жителей близлежащих домов. Девчонки часто ныряли с посудой в знаменитое в городе заведение. Как своим, мороженое им отпускали без очереди.

На следующее утро, подведя глаза, накрасив ресницы и на ходу откусывая приготовленный тетей теплый сырник, студентка выбежала из дома в 7:40 и сломя голову полетела на лекции, благо институт рядом.

– Смотри под ноги, сумасшедшая, на таких шпильках навернуться недолго, – закричала вслед покающим по ступенькам каблучкам Валентина Евстафьевна.

– Я вас сегодня с ним познакомлю, – отозвалась с нижней площадки Валюша.

– Совсем взрослой стала наша девочка. Юрочка женился, Таню с Галочкой выдали замуж, видно, Валечкина очередь подошла, – тихонько вздохнула пожилая женщина. – Надо ставить тесто на пирог, коли жАних в дом придет.

После обеда Валентина примчалась с учебы: к вечеру надо еще прическу освежить. С утра с укладкой не заладилось, чуть на лекции из-за этого не опоздала.

– Чья лохматушка? Интересно, если выбросить вниз на Карла Маркса, кто-нибудь подберет? – хохоча, Анатолий свесил с балкона Валин шиньон, будто собрался выбросить его на центральную улицу.

– Отдай немедленно, всю прическу Валюшке испортишь, – набросилась Галя на мужа.

– Зачем он тебе? У тебя своя шевелюра огромная! – не унимался шутник, посмеиваясь над девушками.

– Ничего вы, мужики, не понимаете, – заступилась за племянницу Евстафьевна, закрепляя на той невидимками накладку из натуральных волос.

В 17 Леня так и не пришел. Валя поглядывала на огромные бронзовые часы, не находя себе места, от нетерпения моталась по окнам квартиры.

– Он обычно не опаздывает. Значит, не придет. Ждать никого не будем, тетя Валь, давайте пить чай, – пытаясь улыбаться сквозь обиду, начала расставлять чашки на столе расстроенная невеста.

– Подождем, мало ли чего случилось, – обняла ее тетка. – Еще время есть. Слышишь, Кузьма Матвеевич с работы по лестнице поднимается.

– Это не твой красавец в спортивном костюме с надписью СССР у подъезда перебинтованный стоит? – серьезным тоном поинтересовался у Валюши пожилой мужчина, входя в квартиру.

– Ой, это, наверно, Ленечка, – перескакивая через две ступеньки, взволнованная Валька побежала вниз по лестнице как была, в домашних тапках. – Наверное, опять на трассе велосипедисты столкнулись.

Глава 8. Помеха счастью

1967 год.

Валя сбежала с лекции в институте. На перроне ангарского вокзала Леонид встретил иркутскую электричку с любимой. Гуляли не спеша, радуясь весеннему теплу и наконец-то удавшемуся свиданию. Из-за соревнований Леонида парочка виделась редко. Под майским солнцем листва блестела изумрудными оттенками, еще не успев надыхаться ангарским газком и пылью. Город преобразился после праздников. Белоснежные бордюры тянулись вдоль тротуара, утекая за горизонт свадебными лентами.

Зашли в недавно открывшееся на площади Ленина кафе-мороженое «Пингвин».

– Пломбир завезли? – поинтересовался парень.

– Только что, – официантка в ажурном переднике улыбнулась и жестом пригласила молодежь в зал.

– А ты чего сегодня такой нарядный? – спросила Валя. – В белой нейлоновой рубашке.

– Да-а-а... мать всю одежду постирала, пришлось белую надеть. Не голым же идти по улице, – слегка краснея, соврал Леня.

– Как я люблю эти холодные шарики с сиропом и орешками, – весело защебетала Валюша, когда официантка принесла заказ.

Она отламывала маленькой ложечкой еще не подтаявшее лакомство и отправляла в рот, от удовольствия слегка прикрывая серо-зеленые глаза.

– А мне больше с шоколадной крошкой нравится. – Леня подозвал обслуживающую посетителей девушку с просьбой повторить заказ и принести шампанское.

– Шампанское? Днем? Ты с ума сошел, я не буду! Мороженое обожаю. Представляешь, у тети Вали в Иркутске, в кафе, что в их доме, мы с сестрами по очереди с кастрюльками за ним бегаем.

– С кастрюльками, за мороженым? – рассмеялся Леонид, хотя на душе у внешне спокойного парня бушевал шторм. Любовь к Вале клокочущей волной билась о непокоренные скалы велоспорта.

Шампанское сейчас помогло бы взбодриться. Он собирался сделать Вале предложение, но никак не мог решиться. Язык словно онемел. Да и букет забыл дома.

«Не время», – подумал про себя.

– Завтра уезжаю под Кимры, на соревнования по шоссейке, – осторожно сообщил любимой, зная ее отношение к велогонкам.

– Опять приедешь весь покалеченный? На тебе уже живого места нет, – разволновалась девушка. – Ты же обещал бросить велогонки. Здоровье потеряешь. Боюсь за тебя. Понимаешь?

Вышли на улицу. Народ был на работе, город казался почти пустым, только мамочки с детскими колясками, да старушки с авоськами неспешно брели из магазинов.

– Пойдем в парк, погуляем. Сегодня никуда не тороплюсь. Съезжу на недельку и вернусь, соскучиться не успеешь, – Леня взял Валю за руку.

Молочного цвета вазоны горделиво щеголяли роскошными цветами. На клумбах красовались недавно высаженные бархатцы и настурции. Фонтан освежал зазевавшихся прохожих брызгами, взлетающими от ручейков, которые струились из разинутых львиных морд.

Ленька легко подхватил Валю и аккуратно поставил на белоснежный парапет. Словно по подиуму, дефилировала она в черных туфельках на небольшой шпильке. Ветерок играл в прятки с солнцем в ее каштановых волосах.

– Если возьму призовое место, выйдешь за меня? – неожиданно для себя выпалил Леонид.

– Что ты сказал? Я не расслышала, – Валя с невысокого ограждения спрыгнула прямо к нему в руки.

Они остановились на вымощенной светлым камнем тротуарной дорожке.

– Ты выйдешь за меня? – краснея, повторил Леня.

Смешливые глаза девушки стали серьезными. Аккуратно обхватив ладонями лицо парня, она медленно притянула его к своему.

– Нет. Не выйду. Я люблю тебя, а не твои победы. Делить тебя с велосипедом не могу, – шепотом, но твердо ответила Валентина.

Страх потерять любимую набатом отозвался в теле. Комок слов застрял в горле. Стало тяжело дышать.

От прямого ответа Валю колотило мелкой дрожью. Но по-другому она не могла. Не умела. Ее представление о счастливой семье, с детьми, ужинами, субботними посиделками, душевными разговорами по вечерам, как у мамы с отцом, как у тети Вали с дядей Кузей, Михаила Евстафьевича с Прасковьей Ивановной, разрушалось какими-то велогонками.

Молча брели по улице.

«Что я наделала? Он любит скорость, спорт – его жизнь», – сердце девушки стучало так, что подрагивали руки.

– Сейчас от соревнований не могу отказаться. Съезжу в последний раз. Обещаю. Дождись меня. В сентябре сыграем свадьбу. Люблю больше жизни, – возле дома Леня притянул Валю к себе.

– Будь осторожен, – сквозь слезы, едва дыша в родных объятиях, прошептала Валя. Не могла поверить обещанному счастью.

Глава 9. Самые счастливые

1967 год.

Бабье лето разгулялось не на шутку. 23 сентября утреннее солнце нежилось на безоблачном небосводе. День обещал быть знойным. Рыжие лучи пробрались в спальню, теплым светом разбудив Валю.

Хотелось кружиться, порхать, летать: «Сегодня все случится. Даже не верится». Сердце пело.

Валя тоже мурлыкала веселый мотивчик:

– Где-то на белом свете,

Там, где всегда мороз,

Трутся спиной медведи

О земную ось...

Вера Егоровна суежилась на кухне. Готовила завтрак, в пятый раз проверяла список блюд, заказанных в кафе по случаю торжества.

– Давайте за стол, – позвала дочь и супруга.

Иван Евстафьевич начищал черные туфли, мысленно подбирая слова, чтобы еще раз поговорить с дочерью перед свадьбой.

Когда втроем собрались на кухне, наконец-то решился:

– Доченька, мы с мамой хотим, чтобы ты была счастлива. Семья – это самое дорогое, что есть у человека. Даже когда жизнь рушится, муж и дети – надежный тыл, то, что дает силы выкарабкаться, когда все против тебя. Важно не ошибиться в выборе человека, с которым будешь строить судьбу. Очень тебя любим, поэтому должны еще раз спросить: ты окончательно решила, что выходишь за Леонида? Если передумала, или вдруг какие-то сомнения – скажи. Отменим ко всем чертям и эту свадьбу, и гостей, и банкет.

Отец семейства нервничал. В голове никак не укладывалось, что сегодня его любимая дочурка выходит замуж. В сердцах долбанул о стол серебряным подстаканником так, что горячий чай выплеснулся на льняную скатерть.

– Папочка, ну конечно, решила. Ленку люблю. Только с ним буду счастливой. Не волнуйтесь, – Валя наскоро перекусила, чмокнула родителей и побежала в прихожую открывать дверь. – Это Милочка-парикмахер пришла и подружки приехали, – сообщила радостная невеста.

– Ну что, мать, сегодня станешь тещей, а наша девочка сменит фамилию, – посмотрев на жену, грустно констатировал Иван, допивая крепкий чай. – Плесни-ка мне коньячку в рюмку, надо как-то встряхнуться.

– Валентинка, ты просто красотка из журнала. Светишься от счастья, – уложив волосы невесты в стильную прическу, улыбнулась Мила, давнишняя приятельница Веры Егоровны. – Поздравляю тебя, девочка, пусть в жизни все будет хорошо.

Валя аккуратно, чтобы не испортить укладку, надела платье и придирчиво оглядела себя в трюмо.

– Получилось лучше, чем на фото для салона парикмахерской. Вот что значит любовь, – верещали девчонки, осторожно закрепляя фату.

– Кажется, ты немножко похудела, – восхищенно заметила Света, школьная подруга.

Белые жемчужинки, разбросанные по лифу, и глубокое декольте подчеркивали девичьи формы. Едва заметные складки из прозрачного фатина по низу подола, чуть прикрывающего колено, дополняли стройный силуэт. Перчатки на открытых руках, ажурная фата и остроносые туфельки-шпильки обрамляли нежную красоту. Модные стрелки на верхнем веке распахивали взгляд.

– Какая ты, Валюшка, красавица, – девчонки визжали от восторга и сыпали искренними комплиментами.

Раздался звонок в дверь.

– Это фотограф, – Вера пошла открывать.

– Давайте снимемся на память, – Иван Евстафьевич приобнял дочь, такую хрупкую в свадебном наряде. Вера Егоровна поправила коротенькую фату на ее голове. Невеста в белом – в центре, а родители, оба в черном, как изысканная рама, встали по бокам. Так и запечатлелись на фото.

Кортеж из волг, сверкающих элегантностью советского автопрома, ждал у подъезда.

Леонид с родными и друзьями встречал невесту возле Дворца бракосочетания.

Машины остановились. Леня открыл дверь и подал руку будущей теще.

– Спасибо, – Вера Егоровна улыбнулась галантности молодого человека.

Черный костюм хорошо сидел на спортивной фигуре. Пиджак не скрывал ширину плеч, брюки слегка облегли натренированные ноги.

Девчонки и родня высыпали из машин на площадь перед загсом.

Леонид распахнул дверцу волги, увидел свою невесту. И на несколько секунд потерял способность говорить. Засмотревшись на Валю, забыл поздороваться с ее отцом.

Робкая улыбка, влюбленный взгляд и белоснежное платье подчеркивали трогательную беззащитность. Валя светилась от счастья. Жених аккуратно взял невесту под локоть. Еле дышал, словно боялся неосторожным движением или вздохом разрушить фарфоровую хрупкость девичьего тела.

– Леня, цветы! Возьми цветы, – подала букет взволнованному сыну Александра Павловна.

– Это тебе, – Леня протянул любимой розы.

– Ой, чуть не забыла, – Валентина вставила бутоньерку в нагрудный карман его пиджака и сняла ажурные перчатки. – Без них как-то комфортнее.

Родственники и друзья заполнили почти все пространство зала. Вопросы регистратора, ответы молодых эхом отражались в сердцах родителей. Иван Евстафьевич мрачной тучей наблюдал за происходящим. Николай Степанович, отец Леонида, улыбался. Матери украдкой утирали слезы. Каждая из них отпускала в самостоятельную жизнь единственного двадцатилетнего ребенка.

– Супруги Пономаревы, поздравьте друг друга, – под одобрительные аплодисменты гостей регистратор завершила торжественную речь.

Поцелуй новобрачных скрепил союз. Старик Мендельсон виртуозно увенчал церемонию. Счастливый муж, подхватив юную супругу, легко сбежав вниз по лестнице Дворца бракосочетания, закружил ее в солнечных лучах бабьего лета.

– Безумно счастлива, – шептала Валентина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.